

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 56–63

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 56–63

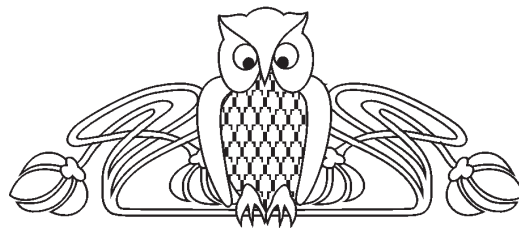
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-56-63>, EDN: LPXSDP

Научная статья

УДК 342

О категориальном аппарате Конституции Российской Федерации

А. Ф. Малый

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Малый Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, afm-10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Аннотация. Введение. Конституция Российской Федерации является политико-правовым документом, что обуславливает наличие в ней большого числа норм-принципов, норм-целей, норм-деклараций. Содержащиеся в них положения часто именуются категориями, поскольку имеют «предельные по уровню обобщения» понятия. Вместе с тем не все из них могут быть отнесены к числу категорий. **Теоретический анализ.** За основу разграничения юридической сущности таких конституционных понятий, как «категория» и «конституционный принцип», были взяты критерии, сформулированные учеными-специалистами в области теории права. Применение метода сравнительного анализа позволило дать оценку ряду норм Конституции РФ, показать соответствие отдельных конституционных положений понятию «категория». Использование формально-правового метода дало возможность исключить из числа категорий отдельные нормы-принципы в силу несоответствия их содержания предложенным критериям. Конституционный принцип заключает в себе определенную идею, он не регулирует общественные отношения. По своему влиянию на регулирование конституционно-правовых отношений конституционные нормы могут носить концептуальный характер, содержать основополагающие идеи либо дефиниции, закреплять правовые отношения. **Результаты.** Категориальный аппарат Конституции Российской Федерации разнообразен по своему составу, его элементы имеют различную степень обобщения. Предложены определения таким элементам категориального аппарата, как «категория» и «конституционный принцип», представлены аргументы о возможном разделении понятий «конституционная категория», «конституционный принцип», «регулирующая конституционная норма».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционная норма, категория, принцип, критерии

Для цитирования: Малый А. Ф. О категориальном аппарате Конституции Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 56–63. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-56-63>, EDN: LPXSDP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The categorical apparatus of the Constitution of the Russian Federation

A. F. Malyu

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Alexander F. Malyu, afm-10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Abstract. Introduction. The Constitution of the Russian Federation is a political and legal document, which determines the presence in it of a large number of norms-principles, norms-goals, norms-declarations. The propositions stipulated in them are often referred to as categories, since they have concepts that are “extreme in terms of the level of generalization”. At the same time not all propositions can be attributed to the number of categories. **Theoretical analysis.** The criteria formulated by scientists who specialize in the field of theory of law were taken as the basis for differentiating the legal essence of such constitutional concepts as “category” and “constitutional principle”. The use of the method of comparative analysis made it possible to assess a number of norms of the Constitution of the Russian Federation, to show the correspondence of certain constitutional provisions to the concept of “category”. The formal and legal method allowed for excluding certain norms-principles from the categories due to the inconsistency of their content with the proposed criteria. A constitutional principle contains a certain idea, it does not regulate social relations. In terms of their influence on the regulation of constitutional legal relations, constitutional norms can be conceptual in nature, contain fundamental ideas or definitions, and consolidate legal relations. **Results.** The categorical apparatus of the Constitution of the Russian Federation is diverse in its composition, its elements have different degrees of generalization. The author proposed definitions of such elements of the categorical apparatus as “category” and “constitutional principle” and presented arguments about the possible division of the concepts of “constitutional category”, “constitutional principle”, “regulatory constitutional norm”.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, constitutional norm, category, principle, criteria

For citation: Malyu A. F. The categorical apparatus of the Constitution of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 56–63 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-56-63>, EDN: LPXSDP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросы содержания конституционных понятий выступают предметом внимания многих ученых, поскольку единообразное понимание и использование юридических конструкций не только является необходимым в научной дискуссии, но и составляет основу любого нормативного документа. Помимо специальных словарных изданий [1], появляются монографические исследования [2, с. 35; 3], статьи, в которых даются оценки содержания тех или иных правовых понятий [4–7]. Такое внимание объяснимо, поскольку отсутствие единого понимания используемых в науке и практике терминов затрудняет поиск истины, вносит деструктивный элемент в создание четких и логически выстроенных юридических норм.

Лингвистическая конструкция «категориальный аппарат» достаточно часто используется в правовой литературе для обозначения совокупности понятий, терминов, категорий, употребляемых в исследовании правового института, подотрасли права или даже отрасли в целом. Можно встретить и иное обозначение этого ряда специальных понятий – «понятийный аппарат», «терминологический аппарат». Такое разнообразие не обязательно связано с необходимостью разграничения юридических понятий по их содержанию. Часто оно носит общий характер, хотя можно предположить, что, например, конструкция «категориальный аппарат» предполагает изучение категорий науки, а «терминологический аппарат» обозначает совокупность терминов, применяемых в нормативном правовом акте или научном труде. Но поскольку наука конституционного права (так же как и любая другая) использует различные слова и словосочетания для обозначения явлений, предметов, объектов, отношений, то попытка выявить содержательное наполнение понятий приводит к необходимости их сравнения. Эту цель ставили, прежде всего, представители науки теории права. Одной из фундаментальных работ является монография А. М. Васильева «Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права» [8]. Большинство исследователей при использовании этого понятия (категория) обращаются к названной работе, которая по своему теоретическому значению актуальна и сегодня.

Теоретический анализ

А. М. Васильев понимал правовые категории как «предельные по уровню обобщения фундаментальные абстрактные понятия теории правоведения» [8, с. 58]. С таким пониманием правовой категории согласны многие ученые [9, с. 216; 10, с. 4]. В данном определении важно каждое слово, опираясь на которое можно вывести критерии, позволяющие отнести к разряду категорий используемые в науке конституционного права термины. Во-первых, это предельные по уровню обобщения понятия. Уровень обобщения предельный означает отражение используемым понятием большого количества отношений, социальных связей, объединенных общей идейной основой (например, понятие «высшая ценность»). Во-вторых, это фундаментальные понятия, т.е. имеющие универсальный характер и применимые в любой отрасли права. К таковым можно отнести, например, содержащееся в Конституции РФ понятие «достоинство личности» или «власть», «государственная власть». В-третьих, это абстрактное понятие, обозначающее явление, характерное для юриспруденции в целом и для конституционного права в частности. Все вышеназванные понятия отвечают требованию абстрактности.

Следует обратить внимание и на такой важный посыл в рассмотренном определении А. М. Васильева, как понимание категории через понятие. Он писал: «В логическом аппарате любой науки главную теоретическую нагрузку несут ее основные, фундаментальные понятия – категории» [8, с. 57]. Следовательно, понятиями являются различные логические построения, в том числе такие, как «категория», «правовой принцип», «правовая ценность».

Есть и иной взгляд на обозначение содержания рассматриваемых элементов понятийного ряда. Н. А. Богданова в своей монографии «Система науки конституционного права» [11] проводит различие лингвистических конструкций «понятие науки» и «категория науки». По ее мнению, понятие науки конституционного права – «это логические обобщения, которые отражают наиболее значимые устойчивые свойства и признаки, составляющие в совокупности качественную определенность явлений и процессов конституционно-правовой действительности, относящихся к предмету данной науки» [11, с. 142]. Она же дает определение категорий науки конституционного права, которые «пред-

ставляют собой логические построения, объединяющие знание о конституционно-правовых явлениях и процессах на более высоком, «надпонятийном» уровне» [11, с. 142]. Таким образом, понятие – это «логическое обобщение», а категория – «логическое построение», что вряд ли подчеркивает сущностную разницу между ними. Отличие можно усмотреть в том, что «категории» более фундаментальны по степени обобщения правовых явлений и образов, они «надпонятийны». Можно предположить существование качественных содержательных отличий и признать за словом «понятие» общее обозначение различных по своему смысловому наполнению терминов.

Опираясь на высказываемые в научной литературе суждения относительно содержания различных лингвистических конструкций с правовым содержанием, можно построить взаимосвязи между ними и попытаться найти различия, имеющие значение для законотворческого применения.

К числу категорий как наиболее фундаментальных понятий могут быть отнесены и конституционные принципы, поскольку они отвечают критериям фундаментальности и абстрактности. А. А. Белкиным конституционные принципы относились к категориальному аппарату, рассматривались им как некие первоначала, руководящие идеи. Причем он разделял «категориальные и лингвистические (терминологические) аспекты проблемы принципов», подчеркивая, что «термин “принцип” нередко применяется там, где соответствующее категориальное основание отсутствует» [9, с. 216]. Таким образом, по мнению А. А. Белкина, конституционные принципы являются категориями, но не все называемые принципами лингвистические построения можно именовать таковыми.

В специальной литературе можно встретить отнесение тех или иных понятий к правовым категориям. Например, экологическая безопасность рассматривается как правовая категория [12], обнаруживаются правовые категории в транспортном праве [13].

Для конституционного права поиск ответа на вопрос о том, что есть «конституционная категория» важен, поскольку Конституция РФ содержит большое число фундаментальных понятий, содержание которых интерпретируется иногда достаточно вольно. Доктринальная интерпретация отражает субъективный взгляд

на проблему, хотя при достаточной аргументированности она может быть положена в основу официального толкования.

Поскольку Конституция имеет прямое действие, определенность понимания ее норм вне зависимости от уровня конкретизации в регулировании общественных отношений имеет концептуальное значение. Безусловно, это понимание обеспечивает Конституционный Суд РФ, именно он снимает неопределенность содержательного восприятия нормы, восполняет недостаток ее регулирующего потенциала. Например, при толковании ч. 2 ст. 137 КС РФ определил порядок внесения изменений в ст. 65 Конституции, дополнив полномочия Президента РФ (фактически расширив их)¹.

Иногда Суд вынужден толковать конституционные положения, раскрывая взаимосвязь отдельных из них и объясняя на первый взгляд необъяснимое. Так, с точки зрения здравого смысла и положений ст. 5 Конституции РФ² сложно понять норму ч. 4 ст. 66, допускающей вхождение автономного округа в состав края или области. Часть 1 ст. 5 Конституции провозглашает равноправие субъектов РФ, что должно исключать какую-либо зависимость субъектов РФ друг от друга. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 14.07.1997 № 12-П подтвердил возможность вхождение автономного округа в состав края, области, обозначив качественные признаки такого вхождения (единая территория, участие избирателей округа в выборах депутатов представительного органа края, области)³. Не вдаваясь в подробный разбор изложенной проблемы, обратим внимание на факт существования неопределенности в

¹ По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 49, ст. 4868.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416 ; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

³ По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 29, ст. 3581.

понимании принципа «равноправие субъектов Российской Федерации» и отсутствие внятного понимания его юридического содержания. В этом случае явное несовпадение сущностного содержания юридической категории «равноправие» [14, с. 11] и принципа «равноправие субъектов Российской Федерации».

Равноправие субъектов РФ является одним из принципов федеративного устройства Российского государства, но является ли этот принцип категорией? Если оценивать его содержание с учетом критериев, нашедших отражение в определении А. В. Васильева, то к категории его отнести сложно. Он не отвечает признаку абстрактности. Равноправие субъектов РФ означает равный объем прав и обязанностей у их носителей. Закрепление этого объема в ст. 71 Конституции, а также федеральных законах не дает оснований к выводу об их неопределенности. Федеральный закон может по-разному наделить полномочиями органы государственной власти субъектов РФ, может изменить объем полномочий органов государственной власти субъектов в сторону увеличения или уменьшения. Но это не ведет к неопределенности, абстрактности понимания норм федеральных законов.

Как видим, предложенные критерии все равно не решают проблемы точного отнесения того или иного понятия к числу правовых категорий. Но примерным ориентиром они могут быть. Можно пойти и от обратного и исключить использование понятия «категория» применительно к конкретным специальным лингвистическим конструкциям, не имеющим «предельный уровень обобщения». Так, понятия, используемые для обозначения явлений или предметов, определенного круга общественных отношений, закрепленных в нормативном правовом акте, могут иметь строго определенное содержание в части состава субъектов, если речь идет о конкретном органе власти и, следовательно, не являться категорией. Например, лингвистическая конструкция «Совет Федерации» обозначает орган государственной власти, имеющий официально закрепленный состав сенаторов, полномочия, организацию работы. Законодательная определенность этого понятия и его юридический смысл исключают какую-либо абстракцию, поэтому данная конструкция не является категорией. Но, например, «орган государства» можно назвать категорией, поскольку данным термином может

быть обозначен широкий круг явлений, которые фундаментальны в своей основе, обозначают разнообразные по составу, целям, задачам, полномочиям структурные образования, формируемые из числа граждан России. Абстрактность может быть обнаружена в вариативности представлений о юридической характеристике органа государства, который способен обладать властными полномочиями (орган власти) или выполнять задачи от имени государства и быть частью государственного аппарата, но без властных полномочий (без права принимать обязывающие решения в отношении широкого круга лиц) [15, с. 96]. Порядок формирования органа тоже может быть различным, поэтому, когда мы имеем в виду орган государства, то должны уточнять его характеристики, определяющие его место в системе органов государства, чтобы понимать его родовую, видовую и подвидовую принадлежность.

Вряд ли можно назвать категорией, например, лингвистическую конструкцию «чрезвычайное положение». Это правовой режим, имеющий четкие границы распространения, субъектов – участников его введения и осуществления. Неопределенность и абстрактность в регулировании подобных отношений должна быть исключена, поскольку данный режим подразумевает ограничение прав граждан, что предполагает государственный надзор за их соблюдением и четкие правовые границы поведения участников отношений в рамках установления и реализации указанного правового режима.

Использование конституционным законодателем понятия «народ» имеет признаки правовой категории, поскольку данная лингвистическая конструкция может быть конкретизирована только теоретически, но практически закрепить легальную дефиницию вряд ли возможно. Любая попытка дать юридическую характеристику порождает ряд вопросов. Если под термином «народ» понимать всех лиц, проживающих в России, возникает вопрос о возможности включения в это понятие иностранцев, легально находящихся на территории государства, поскольку, например, при организации спасательных мероприятий (наводнение, землетрясение) никто не будет делить людей на «наших» и «не наших». Если народ – это только граждане России, то как быть с иностранцами, постоянно проживающими в России. Они участвуют в экономической дея-

тельности, платят налоги, вносят свой вклад в развитие экономики государства. Конституция в ч. 2 ст. 3 закрепляет право народа осуществлять «свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»⁴. Участвовать в выборах и референдуме имеют право только совершеннолетние граждане РФ. Означает ли это, что «народ» – только лица, обладающие избирательным правом? А как же несовершеннолетние граждане РФ? Абстрактность (в юридическом понимании) этого термина позволяет определить его как категорию.

Общий термин («государственная власть») также может быть обозначен как категория [16, с. 15], а конкретный («правительство») нет. Термином «референдум» законодатель именует «всенародное голосование граждан Российской Федерации»⁵. Поэтому любое всенародное голосование – это референдум вне зависимости от того, как будет названо это голосование (всероссийское, всенародное) без употребления термина «референдум» [17, с. 61]. Всенародное волеизъявление в пределах субъекта РФ тоже будет референдумом. Например, голосование при объединении субъектов РФ Федеральный конституционный закон именует референдумом⁶. Отсутствие в Законе № 6-ФКЗ разъяснения, что такое референдум, свидетельствует об отсутствии неопределенности в его понимании, поскольку данная дефиниция дана в ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». Отсюда вывод – это термин, обозначающий процесс, имеющий границы правового регулирования и перечень участвующих в этих отношениях субъектов права. Категорией он обозначен быть не может.

Сложнее с конституционными принципами, содержание которых имеет сложное наполнение с точки зрения их абстрактности и предельного уровня обобщения. Безусловно, они фундаментальны по своей природе и оказывают большое влияние на правовое регулирование. Это их качество дало основание многим авторам относить их к правовым категориям.

⁴ Конституция Российской Федерации...

⁵ О референдуме Российской Федерации : федер. конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27, ст. 2710.

⁶ О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации : федер. конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4916.

А. М. Васильев отмечает заложенные в принципах мировоззренческие и политические основы, которые позволяют уяснить специфическую роль «этих принципов в сфере общественной жизни и условное вычленение их особенных черт и форм реализации при изучении в теории права» [8, с. 208]. Написанное почти пятьдесят лет назад остается актуальным и сегодня, несмотря на различные политические и мировоззренческие условия, в которых писалась работа. Сущность права остается неизменной, так же как и формы его реализации. В принципах заключены основополагающие идеи, которые «получают прямое отражение в преамбулах и общих статьях законодательных актов ... А с другой стороны, правовые идеи развиваются и конкретизируются в определенных правилах поведения, выступая как общие идейно-правовые основы этих правил» [8, с. 221].

Работ, посвященных конституционным принципам, много (см., например, [18, 19]). В них подробно рассмотрены их содержание, признаки, влияние на развитие законодательства и правоприменительной практики. Причем по большей части предлагаемые авторами определения отражают общетеоретический подход понимания принципов права, адаптированный к конституционному праву, либо сформулированы достаточно абстрактно. Например, по мнению Д. А. Ковачева, конституционный принцип – «это объективно существующая политическая или кибернетическая закономерность, а также закономерность самой правовой материи, которая нашла выражение в определенной системе конституционных институтов, направленной на обеспечение свободного ее действия» [18, с. 73]. Из данного определения достаточно сложно вычленить собственно конституционную материю (содержательную часть), которая бы могла оказать влияние на конституционное регулирование. При ее (содержательной части) отсутствии теряется смысл формулирования принципов.

Все же конституционный принцип – это основополагающая идея [9, с. 223], воплощенная в норме-принципе, находящем свою конкретизацию «в множестве правил, в которых он получает развитие и через которые реализуется» [20, с. 35]. Н. А. Богданова отмечает: «Принципами в науке конституционного права являются идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которого кладется

та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли» [11, с. 166].

Конституционные принципы – это принципы, которые аккумулируют идеи, позволяющие объединить данный нормативный акт в единый, целостный документ. Их выделение из числа регулирующих конституционных норм тоже имеет свою специфику.

Например, можно ли рассматривать содержание ст. 73 Конституции РФ как конституционный принцип? Она сформулирована следующим образом: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти»⁷. Если мы исходим из тезиса, что конституционная норма, закрепляющая права и обязанности, является конкретизирующей, то приведенное выше содержание ст. 73 не может быть принципом. Данная норма закрепляет право субъектов РФ принимать нормативные правовые акты по предметам ведения, не отнесенным ст. 71 и 72 Конституции к ведению Российской Федерации и совместному ведению РФ и ее субъектов. Это конкретизирующая норма, а не конституционный принцип. Статья 2 Конституции РФ закрепляет: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Данная норма не закрепляет прав и обязанностей, она является конституционным принципом, поскольку в ней выражена основополагающая идея. В то же время в данной правовой конструкции можно выделить категории «права и свободы», «высшая ценность».

Результаты

Нормативный правовой акт должен базироваться на ясных и известных широкому (или специальному) кругу лиц понятиях, использование которых позволяет доносить до адресатов его содержание. Понятийный аппарат нормативного акта разнообразен и специфичен в силу различия целей, ради достижения которых акт принимается. В числе важнейших выделяются категории, как наиболее предельные по своему охвату, фундаментальные понятия. Значительное число таких категорий содер-

жится в Конституции Российской Федерации, поскольку этот документ является политико-правовым актом, закрепляющим политические, экономические, духовные основы Российского государства.

Категориальный аппарат Конституции РФ разнообразен и иногда сложен для выявления его юридического содержания. Некоторые понятия абстрактны, их использование в законотворческой и правоприменительной деятельности требует официального толкования, что также непросто ввиду их политического или идеологического предназначения. Можно говорить о системе конституционных понятий, каждый из элементов которой имеет свое значение в общем конституционном инструментарии, позволяющем адекватно отражать общее предназначение конституционных правовых конструкций.

При доктринальном анализе конституционных понятий возникают вопросы не только их юридического содержания, но и их обозначения в системе конституционных предписаний. Конституционная категория – это наиболее общее фундаментальное, абстрактное понятие, сформулированное в виде термина или лингвистической конструкции. Конституционный принцип – это закрепленная в конституционной норме основополагающая идея, имеющая значение для формулирования юридического содержания иных конституционных норм, обладающих регулирующим содержанием, а также норм текущего законодательства.

Категориальный аппарат Конституции Российской Федерации включает в себя собственно конституционные категории (предельно обобщенные, фундаментальные, абстрактные понятия), конституционные принципы, содержащие основополагающие идеи, влияющие на формирование конкретизирующих конституционных норм и норм текущего законодательства, дефинитивные конституционные конструкции.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М. : Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. 270 с.
3. Боброва Н. А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М. : Юрлитинформ, 2019. 542 с.
4. Конева Н. С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства //

⁷ Конституция Российской Федерации...

- Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>
5. Малый А. Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-6-21-24>, EDN: МРҮНДЈ
6. Ларионов А. Н. Историко-правовое осмысление понятия «традиционные семейные ценности» в условиях современного этапа общественно-экономического развития Российского государства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 72–76. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-8>
7. Чиркин В. Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13–19. <https://doi.org/10.12737/1544>, EDN: RSYCVR
8. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юридическая литература, 1976. 264 с.
9. Белкин А. А. Государственное право: юридическая техника и юридические категории: избранные статьи. М. : Изд-во Московского гуманит. ун-та, 2007. 226 с.
10. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М. : Блок-Принт, 2022. 176 с. EDN: QIZBRQ
11. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М. : Юрист, 2001. 256 с.
12. Краснова И. О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96, № 5. С. 543–555. <https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.5.9506>, EDN: SDGTWV
13. Чинчикова Г. Б. Правовые категории транспортного права как отрасли права российской правовой системы // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 14–17. EDN: YFPXOD
14. Комкова Г. Н. Понятие равенства и неравенства в российском конституционном праве // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3 (29). С. 11–27.
15. Артемова О. Е., Романовская О. В. Конституционно-правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М. : Проспект, 2017. 176 с.
16. Малый А. Ф. Организация органов государственной власти области как субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 46 с.
17. Малый А. Ф. Вариативность понимания референдума в контексте конституционной реформы – 2020 // Конституционная реформа – 2020 и перспективы конституционного развития России : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (9 июня 2021 г., Саратов). Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2021. С. 60–62. EDN: PQBCND
18. Ковачев Д. А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 71–77.
19. Осавелюк Е. А. Понятие и виды принципов конституционного права России // Образование и право. 2020. № 3. С. 58–62. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10308>
20. Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение. М. : Проспект, 2023. 312 с. EDN: BNKPKY

References

1. Avakyan S. A. *Constitutional lexicon: State-legal terminological dictionary*. Moscow, Yustitsinform, 2015. 640 p. (in Russian).
2. Chirkin V. E. *Constitutional terminology*. Moscow, Norma: INFRA-M, 2016. 272 p. (in Russian).
3. Bobrova N. A. *Obshcheteoreticheskiy i mezhotraslevoy aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility]. Moscow, Yurlitinform, 2019. 544 p. (in Russian).
4. Koneva N. S. Constitutionalization of traditional values: Dialogue between society and the state. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2023, no. 12, pp. 17–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>
5. Malyy A. F. On the use of legal concepts in a constitutional law study. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2022, no. 6, pp. 21–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-6-21-24>, EDN: МРҮНДЈ
6. Larionov A. N. Historical and legal understanding of the concept of “traditional family values” under the conditions of the current stage of socio-economic development of the Russian state. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 72–76 (in Russian). <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-2-8>
7. Chirkin V. E. A word about the constitutional terminology. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 12, pp. 13–19 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/1544>, EDN: RSYCVR
8. Vasil'ev A. M. *Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal categories: Methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1976. 264 p. (in Russian).
9. Belkin A. A. *Gosudarstvennoe pravo: yuridicheskaya tekhnika i yuridicheskiye kategorii: izbrannye stat'i* [State law: Legal technique and legal categories: Selected articles]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2007. 226 p. (in Russian).
10. Baranov V. M. «Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost'»: spornyy kontsept, mnimaya praktika, virtual'naya tekhnika [“Positive legal responsibility”:

- Controversial concept, imaginary practice, virtual technique]. Moscow, Block-Print, 2022. 176 p. (in Russian). EDN: QIZBRQ
11. Bogdanova N. A. *Sistema nauki konstitutsionnogo prava* [The system of science of constitutional law]. Moscow, Yurist, 2001. 256 p. (in Russian).
 12. Krasnova I. O. Environmental safety as a legal category. *Lex Russica*, 2014, vol. 96, no. 5, pp. 543–555 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/1729-5920.2014.5.9506>, EDN: SDGTWV
 13. Chinchikova G. B. Legal category transport law as branches of law the Russian legal system. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2017, no. 3, pp. 14–17 (in Russian). EDN: YFPXOD
 14. Komkova G. N. The concept of equality and inequality in Russian constitutional law. *Leningrad Legal Journal*, 2012, no. 3 (29), pp. 11–27 (in Russian).
 15. Artemova O. E., Romanovskaya O. V. *Konstitutsionno-pravovoy status Tsentral'noy izbiratel'noy komissii Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal status of the Central Election Commission of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt, 2017. 176 p. (in Russian).
 16. Malyy A. F. *Organization of state authorities of the region as a subject of the Russian Federation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2000. 46 p. (in Russian).
 17. Malyy A. F. Variativity of understanding the referendum in the context of the constitutional reform – 2020. In: *Konstitutsionnaya reforma – 2020 i perspektivy konstitutsionnogo razvitiya Rossii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Saratovskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 90-letiyu Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii (9 iyunya 2021 g., Saratov)*. [Constitutional Reform – 2020 and Prospects for Constitutional Development of Russia: Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference within the framework of the Saratov International legal forum dedicated to the 90th Anniversary of the Saratov State Law Academy (June 9, 2021, Saratov)]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2021, pp. 60–62 (in Russian). EDN: PQBCND
 18. Kovachev D. A. Constitutional principle: Its concept, reality and fictitiousness. *Journal of Russian Law*, 1997, no. 9, pp. 71–77 (in Russian).
 19. Osavelyuk E. A. Concept and types of principles of constitutional law of Russia. *Education and Law*, 2020, no. 3, pp. 58–62 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10308>
 20. Stoilov Ya. *Principles of law: Concept and application*. Moscow, Prospekt, 2023. 312 p. (in Russian). EDN: BNKPKY

Поступила в редакцию 10.12.2024; одобрена после рецензирования 15.12.2024;
принята к публикации 15.12.2024; опубликована 31.03.2025
The article was submitted 10.12.2024; approved after reviewing 15.12.2024;
accepted for publication 15.12.2024; published 31.03.2025